

DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-46-56
УДК 63.3(2)511-06

Роман Юлианович Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4192-3528
E-mail: rpochekaev@hse.ru

Правовые аспекты центральноазиатской политики Петра I (по материалам ПСЗРИ)*

АННОТАЦИЯ. Анализируются законодательные акты Петра I, посвященные регулированию отношений России со странами и народами Центральной Азии. Исследование проводится на основе правовых актов, вошедших в Полное собрание законов Российской империи (1-е собрание, СПб., 1830). В рамках исследования осуществляется формально-юридический анализ различных видов правовых актов — от именных и сенатских указов до наказов региональным администрациям и жалованных грамот, выдававшихся группам лиц и отдельным российским или иностранным подданным. Ряд анализируемых документов имел общегосударственное значение, другие действовали в пределах отдельных регионов, прежде всего Сибири. С помощью историко-правового анализа исследуются основные направления центральноазиатской политики Петра I и их отражение в нормативных актах, вошедших в ПСЗРИ, обращается внимание на непосредственно внешнеполитические шаги, регулируемые указанными актами, а также на «подготовительную работу» в России посредством уточнения статуса выходцев из Центральной Азии («бухарцев») внутри страны, предоставления им дополнительных льгот либо, напротив, ограничения их прежних привилегий. Отдельное внимание уделяется правовой идеологии в анализируемых актах и предпринимается попытка ответить на вопрос, в какой мере в них нашел отражение переход от «царских» к «имперским» реалиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российская империя, Петр I, Средняя Азия, Бухарское ханство, Хивинское ханство, имперское законодательство

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Почекаев Р. Ю. Правовые аспекты центральноазиатской политики Петра I (по материалам ПСЗРИ). *Кунсткамера*. 2022. 2(16): 46–56. doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-46-56

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого. Статья представляет собой расширенную и дополненную версию доклада, представленного на Международной научной конференции «Петр Первый и имперская идентичность России» (Санкт-Петербург, МАЭ РАН, 1–3 ноября 2021 г.).

Roman Pochekaev

National Research University Higher School of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4192-3528
E-mail: rpochekaev@hse.ru

Legal Aspects of the Central Asiatic Policy of Peter the Great (Based on Materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire)

ABSTRACT. The article is an analysis of legal acts of Peter the Great which were dedicated to the regulation of relations between Russia and the states and peoples of Central Asia. The research is based on the materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (1st collection, St. Petersburg, 1830). The research is a formal legal analysis of different kinds of legal acts such as: personal edicts of Peter the Great and the Russian Senate, mandates given to regional authorities and letters patents issued to Russian and foreign persons and groups of people. Some of the analyzed documents applied in the whole state, whereas other regulated relations in specific regions (Siberia in particular). A historical-legal analysis allows one to study the main directions of the policy of Peter the Great and their reflection in legal acts included in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Special attention is paid to specific foreign-policy steps regulated by these acts and to the “preparatory work” for them in Russia by clarifying the legal status of “Bukharans” (immigrants from Central Asia) in Russia, giving or depriving them of privileges and advantages. A special focus of the research is placed on the imperial ideology used in the analyzed acts and reflection in them of transition from “tsarist” to “imperial” realities during the reign of Peter the Great.

KEYWORDS: Russian Empire, Peter the Great, Central Asia, Khanate of Bukhara, Khanate of Khiva, imperial legislation

FOR CITATION: Pochekaev R. Legal Aspects of the Central Asiatic Policy of Peter the Great (Based on Materials of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire). *Kunstkamera*. 2022. 2(16): 46–56. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-46-56

Центральноазиатская политика Петра I, как представляется, до сих пор привлекала гораздо меньше внимания исследователей, чем она этого заслуживает. Особенно это становится очевидным в связи с весьма детальным изучением европейского направления его внешнеполитической деятельности на протяжении нескольких веков. Что же касается политики первого российского императора в Центральной Азии, то к ее исследованию обращался ряд авторов дореволюционного периода, уделяя основное внимание дипломатии Петра I или же проблемам реализации его проектов в более поздние периоды (Попов 1853; Чистяков 1868; Шавров 1871). Отдельным вопросом в рамках данной тематики является так называемое завещание Петра Великого, которое хотя и признается большинством ученых фальсификацией, датированной второй половиной XVIII в., однако при этом может рассматриваться в качестве своеобразной отправной точки для изучения планов Петра I в отношении Центрально-Азиатского региона. Кроме того, при этом нельзя не отметить, что Центральная Азия рассматривалась императором прежде всего как транзитный регион на пути в Индию, установление дипломатических и торговых отношений с которой виделось ему конечной целью, тогда как установление контроля над центральноазиатскими народами и государствами — лишь средством (Данилова 1946: 221, 225, 235; Мезин 1999: 171, 174; Мезин 2010: 19, 22; см. также: Анисимов 1989: 418–420). Обращались к характеристике центральноазиатской политики Петра I и отдельные западные исследователи (см., например: Donnelly 1975). В настоящее время в рамках данного направления работают лишь немногочисленные специалисты, ведущая роль среди них принадлежит А. А. Андрееву, который в течение ряда лет исследует жизнь и деятельность А. Бековича-Черкасского, включая и роковой для него Хивинский поход 1717 г., при этом уделяя значительное внимание и более широкой проблематике взаимоотношений России со странами и народами Центральной Азии на рубеже XVII–XVIII вв., т. е. в петровскую эпоху (Андреев 2015; 2016; 2021).

Как бы то ни было, эти исследования не создают впечатление целостной политики Петра I по отношению к Центральной Азии, позволяя рассматривать ее скорее как некое «экзотическое» направление, затрагиваемое «в свободное время» от «большой» европейской и ближневосточной (в отношении Османской империи и Персии) политики. Ярким подтверждением этому служит, в частности, отсутствие соответствующего раздела в фундаментальном издании, посвященном истории внешней политики России (История внешней политики России 2018).

Такое впечатление, безусловно, следует признать обманчивым: центральноазиатская политика Петра I, пусть и не всегда одинаково активная на различных этапах его правления, все же была достаточно важным направлением его внешнеполитической деятельности и, более того, оказалась достаточно органично вписана в выстраиваемые им отношения со странами Ближнего и Дальнего Востока. Подобное представление о политике Петра I в Центральной Азии формируется на основе ознакомления с законодательными актами его времени, посвященными именно этому направлению внешней политики России. Поскольку правовая основа центральноазиатской политики императора, насколько нам известно, до сих пор специально не изучалась, представляется целесообразным начать ее исследование с основополагающих документов — тех, которые были включены в Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ 1830)¹. За период правления Петра I, а конкретно — за 1686–1724 гг., таковых было выявлено всего четырнадцать, однако даже это сравнительно небольшое количество документов, по нашему мнению, позволяет существенно пересмотреть стереотип о незначительности центральноазиатского направления внешней политики Петра I и «эпизодичности» его действий на нем.

Все эти акты могут быть сгруппированы в три категории, каждая из которых и может рассматриваться как один из аспектов его центральноазиатской политики. Представляется целесообразным рассмотреть каждую из них, при этом учитывая общий контекст эпохи и результаты

¹ Примечательно, что соответствующие акты не привлекли внимание даже историков права, посвятивших специальные сборники документов с комментариями законодательной политике Петра I (Законодательство Петра I 2014; Памятники российского права 2014).

ранее проведенных исследований по политике Петра I в Центральной Азии. Отдельный интерес представляет вопрос о том, как в этих правовых памятниках менялось представление монарха о месте России на международной арене, т. е. процесс превращения государства из царства в империю.

Первым и, пожалуй, самым ярким из этих аспектов являлось непосредственное взаимодействие с центральноазиатскими государствами — Бухарским и Хивинским ханствами — путем выстраивания с ними дипломатических отношений. Сразу стоит отметить, что в ПСЗРИ представлены весьма лапидарные документы, которые тем не менее, как представляется, также могут быть концептуально интерпретированы. При этом отношениям с Хивой посвящено большее количество документов, что, как мы увидим ниже, объяснялось тем вниманием, которое уделялось этому ханству в планах России.

Предыстория вышеупомянутого хивинского похода князя А. Бековича-Черкасского, трагически завершившегося в 1717 г., берет начало с «Грамоты ургенчскому хану насчет принятия его в российское подданство» от 30 июня 1700 г., посредством которой хан Шах-Нияз (ок. 1698 — 1702) принимался в российское подданство (ПСЗРИ 1830. Т. IV: 62, № 1802). Этот документ и связанные с ним события весьма подробно исследовались А. А. Андреевым, который приводит объективные доводы как в пользу, так и против того, что обращение Шах-Нияза можно рассматривать как просьбу о принятии его в подданство московского царя. Скорее всего, хан стремился к установлению и развитию дипломатических и торговых отношений и, возможно, военного союза против Бухары, в это время стремившейся установить контроль над Хивой (Андреев 2015: 24, 26; Андреев 2021: 93–94).

Однако в силу особенностей то ли дипломатической переводческой традиции, то ли (что более вероятно) нарождавшейся имперской идеологии, Петру I его обращение было подано именно как прошение о подданстве. Неслучайно еще С. В. Жуковский отмечал, что уже с этого времени «русское правительство уже не сноилось с Бухарой и Хивой как равный с равным, а хивинский народ был даже признан русским подданным» (Жуковский 1915: 41–42). Соответственно грамота Петра I Шах-Ниязу, переданная через его посла, имела характер документа, адресованного вышестоящим правителем нижестоящему, тогда как приложенное к ней послание главы московского внешнеполитического ведомства Б. А. Голицына тому же адресату как раз и выглядело как послание равного равному (ПСЗРИ 1830. Т. IV: 63–64, № 1802).

Стремительно менявшаяся ситуация в Хивинском ханстве, связанная с непрекращающейся борьбой за трон и сменой ханов, каждый из которых имел собственные внешнеполитические предпочтения, не была достаточно оперативно отслежена в Москве. В результате 11 февраля 1716 г. был выдан «Именной указ кн. Черкасскому об осмотре рек Амударьи и Сырдарьи и приведении ханов хивинского и бухарского в подданство России» (ПСЗРИ 1830. Т. V: 197–198, № 2993).

Этот документ, как никакой из анализируемых в рамках настоящего исследования, отражает имперскую идею Петра I, в том числе применительно к его среднеазиатской политике (Donnelly 1975: 207, 210). Князю предписывалось разведать пути в Бухару и Хиву, по пути ставить опорные крепости, а по прибытии в Хиву склонить хана к верноподданству «и чтоб он за то радел в наших интересах». Учитывая постоянные перевороты в ханстве, специально было оговорено предоставление хану гвардии из представителей отряда князя Черкасского, которая должна была находиться «на его плате». Однако если «станет говорить, что перво нечем держать», то первый год можно ее содержать за русский счет. В перспективе отряду Черкасского вместе с хивинскими проводниками предстояло дойти до «Иркети городка», т. е. Яркенда, в Восточном Туркестане в поисках золотых россыпей² (см. также: Андреев 2016: 96–97). Один из пунктов указа имел прямо-таки

² Аналогичное направление предписывалось и экспедиции полковника И. Д. Бухгольца, который должен был идти не с берега Каспия, как Черкасский, а сухопутным путем — из Сибири через владения Джунгарского ханства, с войсками которого в 1716 г. ему и пришлось столкнуться, после чего его отряд был вынужден вернуться в пределы России (Жуковский 1915: 47, 57–58). При этом нельзя не обратить внимания на то, что документы, касавшиеся его экспедиции, в ПСЗРИ не вошли: вероятно, из-за

«шпионское» содержание: князю Черкасскому предписывалось просить у хивинского хана суда для отправки русского «купчины» в Индию. Из следующего документа ПСЗРИ — инструкции поручику Кожину об отыскании и описании водного пути в Индию от 14 февраля 1716 г. — следует, что именно он и должен был стать этим «купчиной» (ПСЗРИ 1830. Т. V: 198, № 2994).

Гибель экспедиции князя Черкасского привела к демонстративному разрыву отношений Петра I с Хивой³. Несмотря на попытки хана Ширгази возобновить их и даже на поездку российского посла Ф. Беневени в Бухару и обратно через хивинские владения (Попов 1853: 32–80; Жуковский 1915: 60–65; Donnelly 1975: 212–214; Посланник Петра I на Востоке 1986), царь (а затем император) так и не выразил намерения восстановить их, о чем красноречиво свидетельствует отсутствие в ПСЗРИ других документов, посвященных отношениям с ханством. Это было сделано уже при его преемнице Екатерине I (1725–1727) именным указом, объявленным Верховным тайным советом Сенату «О восстановлении коммерческих сношений с Хивой и Бухарой и о даче, для сопровождения караванов, конвоя» от 21 марта 1727 г. (ПСЗРИ 1830. Т. VII: 769, № 5045; Жуковский 1915: 66–67).

Отношения с Бухарским ханством в это время развивались параллельно с отношениями с Хивой, однако вопрос о его принятии в русское подданство, по-видимому, рассматривался как «опциональный». Единственный документ из числа анализируемых — сенатский указ «О приеме бухарского посла и о производстве ему, со всему при нем людьми, денег и питья на поденное содержание» от 18 июля 1716 г., не содержит ни слова о подданстве Бухары Петру I (ПСЗРИ 1830. Т. V: 474, № 3031). Однако этот акт интересен тем, что отражает стремление следовать ранее сформированным традициям дипломатического протокола отношений с Бухарским ханством, которые начали формироваться еще в эпоху деда Петра I, царя Михаила Федоровича (1613–1645) (Зайцев 2020: 78–79; Donnelly 1975: 203–207). В частности, казанскому губернатору П. С. Салтыкову перед приемом послов было велено уточнить, какое денежное содержание получал предыдущий бухарский посол в России Ходжа Алим-бек («Ажи Алембек») в 1705 г. (о нем см. подробнее: Жуковский 1915: 44).

В результате новому послу выделили 46 руб. в месяц, но было принято решение «а питья ничего не давать»⁴, в результате чего «посол тех кормовых денег не взял». В качестве компромисса Салтыкову было предписано принять посла и давать ему деньги и корм как его предшественнику, а сверх того — «по его губернаторскому усмотрению». В рамках последующего путешествия посла в Москву требовалось предоставлять ему суда, а затем подводы, в Москве разместить на специально отведенном дворе и отпускать не только деньги и корм, но и питье (см. также: Жуковский 1915: 59). Как видим, московская дипломатия старалась продемонстрировать преемственность в своих отношениях с Бухарой и, возможно, в какой-то мере противопоставляла их отношениям с Хивой как более упорядоченные.

Второй аспект центральноазиатской политики Петра I был связан с правовым регулированием отношений российских властей с «бухарцами», т. е. выходцами из среднеазиатских государств, которые приезжали вести торговые дела в России сами или путем связей с российскими партнерами.

Так, в обширном «Наказе окольному князю Волконскому, определенному в Терек воеводой об управлении казенными, земскими и военными делами» от 14 мая 1697 г., посвященном самому широкому кругу полномочий и обязанностей терского наместника М. А. Волконского, делалась особая оговорка относительно представителей восточных народностей, не принадлежавших к рус-

неудачи данного мероприятия было решено представить его как результат действий исключительно региональных сибирских властей, и впоследствии документы (в том числе правовые акты), касавшиеся этой экспедиции, публиковались лишь в специальных изданиях, посвященных истории Сибири (Памятники сибирской истории XVIII века 1885: 35–37, 126–152, 171–174, № 11, 39–40, 47).

³ В то же время активизировались попытки Петра I найти путь в Индию через Каспийской море, но уже по персидским владениям (Анисимов 1989: 420–421).

⁴ Возможно, чтобы он не допускал по дороге эксцессов, на которые были так урожайны предыдущие восточные посольства (согласно изысканиям М. В. Моисеева о связях Московского царства с восточными монархиями в XVI–XVII вв.; см., например: Моисеев 2014).

ско-подданным: им предписывалось торговать исключительно в городе прибытия — в данном случае в Астрахани. Пропускать же выходцев из Средней Азии далее внутрь страны позволялось только в одном случае: если это были официальные послы соответствующего государства (ПСЗРИ 1830. Т. III: 316, № 1585, п. 21).

Сходные положения содержались и в не менее объемном «Наказе верхотурским воеводам об управлении казенными, земскими и военными делами» от 1 сентября 1595 г., которым подробно регламентировались должностные обязанности местной администрации во главе со стольником К. П. Котовым. Согласно этому акту, сибирские власти должны были выстраивать отношения с торговцами из Средней Азии аналогично терскому воеводе: бухарские купцы имели право торговать в Верхотурье в специально отведенном гостином дворе. При этом специально оговаривалось, что вести расчеты они могут в российской монете, которую, однако, под конец должны были обменивать на русские товары: вывозить русские деньги за пределы страны им запрещалось (ПСЗРИ 1830. Т. III: 395, № 1595, п. 21).

Активизация дипломатических отношений с Джунгарским ханством стимулировала активность «бухарцев» из числа подданных ойратских государей, преимущественно из так называемой Малой Бухарии, т. е. Восточного Туркестана. Причем многие из них старались избежать таможенного досмотра и взимания торговых и налоговых пошлин, выдавая себя за членов официальных посольств (практика, хорошо известная российским властям еще с XVII в.). Ответом на это стал один из пунктов именного указа Петра I «О сборе с сибирских и поморских городов с товаров таможенных пошлин» от 12 ноября 1698 г.: если с официальными дипломатическими миссиями «по прежним обыкновениям» будут приходить торговцы, заявляющие, что они — члены посольств, то следует проверить соответствующие «листы», и при их отсутствии брать десятину с привезенных товаров деньгами или самими же товарами. Исключения допускались только в отдельных случаях, например по персональной рекомендации наиболее влиятельных «калмыцких» (ойратских) тайши, в первую очередь «Араптана контайши», т. е. хунтайджи Цэван-Рабдана (1697–1727), правителя Джунгарского ханства. Кроме того, Петр I демонстрировал, что прислушивается к мнению и собственных подданных: налоговые льготы могли быть предоставлены тем «бухарцам», в сотрудничестве с которыми были заинтересованы их русско-подданные контрагенты, которые могли представить властям соответствующие свидетельства. Однако сибирские власти не имели права сами принимать решения по таким просьбам, их следовало собрать, направить царю и ждать его распоряжения. В целом же предписывалось, «для того, чтоб тех иноземцов калмыцких тайшей и бухарцов от государской милости не отогнать и не озлобить», никаких других пошлин с «бухарцев» не брать, никак иначе их не притеснять, а, напротив, всячески покровительствовать им (ПСЗРИ 1830 Т. III: 508–509, № 1654, п. 12).

Это в полной мере соотносится с политикой московского правительства в Центральной Азии на рубеже XVII–XVIII вв., когда империя Цин, стремившаяся уменьшить стремительно растущее влияние Джунгарского ханства, всячески старалась вовлечь Россию в военное противостояние с ойратами, тогда как последние, напротив, предпринимали попытки заключить оборонительный союз с Москвой. Царские власти, со своей стороны, демонстрировали последовательный нейтралитет в отношении обоих государств, поддерживая с ними исключительно дипломатические и торговые отношения.

Большой интерес представляет именной указ Петра I «О непокупке бухарцам и калмыкам в Тобольске и других городах соболей и мягкой рухляди, от отыскании достойных людей для проповеди Евангелия сибирским инородцам и китайцам, и о построении в пограничных местах для торгу с китайцами гостиного двора» от 18 июня 1700 г. (ПСЗРИ 1830. Т. IV: 59–61, № 1800). Интерес к торговле со Средней Азией через посредство «бухарцев», безусловно, сохранялся, однако царь не собирался ради ее развития жертвовать российскими торговыми интересами на других направлениях. А именно такая ситуация складывалась в отношении торговли пушниной, которая в силу ранее предоставленных льгот купцам из Средней Азии фактически оказалась в их

руках, в том числе на китайском направлении. Соответственно казна недополучала огромное количество доходов от перехода «стратегического товара» в руки иноземных торговцев. В результате была предпринята попытка установления протекционистских мер по передаче торговли пушниной в отношениях с Китаем в руки русских подданных. При этом в указе фигурирует один из крупнейших российских торговцев пушниной — хлыновский (вятский) купец Спиридон Лянгусов, в отношении которого в конце XVII — начале XVIII в. было издано несколько специальных правовых актов центрального и регионального уровня. Таким образом, переход права торговли пушниной с Китаем в руки русских торговцев автоматически означал наложение ограничений на аналогичные действия бухарцев, «чтобы они китайский торг такими своими приездами не портили и Великого государя с тех городов пристойный ясак не пропадал и в доимке не застывал». Фактически им запрещалось покупать меха соболей для перепродажи их в Китай (см. также: Burton 1993: 67, 70, 78).

Полгода спустя, 5 января 1701 г., нерчинскому воеводе были направлены «Наказные статьи об управлении казенными, земскими и военными делами», в которых, в частности, предписывалось следующее: бухарцам по-прежнему разрешалось торговать на специально отведенном гостином дворе, однако продажа им «соболей и лисиц черных» категорически запрещалась (ПСЗРИ 1830. Т. IV: 111, № 1822, п. 24).

Политика Петра I в отношении бухарцев была тесно связана с еще одним аспектом его государственной деятельности, который, казалось бы, не может быть охарактеризован как внешнеполитический, однако представляется, что и он имел прямое отношение к налаживанию и развитию контактов России с Центральной Азией. Речь идет об изменении статуса русско-подданных бухарцев, т. е. тех, предки которых (либо они сами) перебрались в свое время в Россию, приняв подданство московских царей. На протяжении длительного времени они рассматривались как основные акторы отношений Москвы с ханствами Средней Азии и, как следствие, имели многочисленные льготы и привилегии — в торговой, налоговой, имущественной сферах и пр. (см. подробнее: Почекаев 2017; Пузырев 2021).

Первоначально эта политика была продолжена и Петром I, а вернее — его старшей сестрой Софьей, фактически являвшейся регентшей при своих младших братьях Петре I и Иване V. 17 сентября 1686 г. была выдана «Подтвердительная жалованная грамота тобольским бухарцам на свободный проезд их в Казань, Астрахань и поморские города по торговому промыслу», подтверждающая их льготы, впервые дарованные им еще царем Михаилом Федоровичем. В частности, им предоставлялось право беспошлинной торговли в указанных городах, более того, они не подлежали суду воевод, за исключением долговых споров и уголовных преступлений (ПСЗРИ 1830. Т. II: 816–817, № 1209).

Уже упомянутым наказом Петра I терскому воеводе князю М. А. Волконскому от 14 мая 1697 г., т. е. уже в период единодержавия будущего императора, круг «иноземцев», имеющих право свободной торговли в Москве и «верховых городах», существенно расширяется за счет «тезиков и индейцов и бухаров и гилянцов, и армян», правда с оговоркой, что речь идет лишь о тех, кто является русским подданным (ПСЗРИ 1830. Т. III: 316, № 1585, п. 21).

Но вскоре Петр I, по-видимому, начинает пересматривать политику безоговорочного покровительства бухарцам в ущерб своим русским подданным и вводит первые ограничения их «режима наибольшего благоприятствования». Согласно именному указу «О взимании с земель и угодий, принадлежащих бухарцам, таких же податей, как и с русских людей, об обложении торговых бухарцев оброком по торгам и промыслам и о записке оброчных денег в приходные книги» от 28 марта 1698 г., сибирские и тобольские бухарцы, обладавшие земельными владениями, должны были платить с них те же подати, что и русские, а торговцы и ремесленники в городах — аналогичные оброки (ПСЗРИ 1830. Т. III: 446–447, № 1626).

Эта политика нашла продолжение и в грамотах сибирским воеводам М. и П. Черкасским «О взимании с земель, заселенных бухарцами, оброку по 5 алтын в год с десятины засеянной

ржаным хлебом, и по десяти денег с десятины ярового хлеба» от 20 июня 1701 г., в которых уточнялись сборы с земельных владений бухарцев: стандартный оброк составлял 5 алтын, с десятины ржи — 6 алтын 4 деньги, с яровых — 3 алтына 3 деньги (ПСЗРИ 1830. Т. IV: 168–170, № 1857). При этом подчеркивалось, что прежде с них оброки не брались, поскольку учитывался факт их обустройства на новых местах. Теперь же можно было наблюдать постепенную интеграцию выходцев из Средней Азии в царское (вернее, уже зарождавшееся имперское) политико-правовое пространство, в рамках которого начинали формироваться единые принципы налогообложения для разных сословий и социальных групп. Неслучайно в тексте документа прямо прописывалось, что «даром землями никто не владеет».

Вместе с тем в ряде случаев Петр I демонстрирует сохранение преференций этим своим подданным, которых, видимо, продолжал считать потенциальными проводниками российских интересов в государствах Центральной Азии. Так, 11 октября 1703 г. по распоряжению Петра I Сибирский приказ направил в Тобольск грамоту (приговор) в ответ на прошение сибирского митрополита Филофея, который просил переселить бухарскую диаспору (равно как и служилых татар с семьями) с городского посада на Панин бугор, чтобы не смешивать с православным населением. Грамота эта (как, впрочем, и ряд других вышеупомянутых актов Петра I) имела весьма красноречивое, само за себя говорящее название: «О непереводе татар и бухарцев из Тобольска на Панин бугор и о наблюдении, чтобы мечети их от русских церквей построены были в отдаленности и чтобы во время божественной службы соблюдаемо ими было благочиние» (ПСЗРИ 1830. Т. IV: 226–227, № 1946). Царь, таким образом, принял во внимание давнюю традицию совместного проживания русских и бухарцев в городе и приказал Сибирскому приказу ответить на прошение святителя отказом, предписав оставление бухарцев на посаде. Правда, в качестве компромисса все же распорядился мечети для них строить в отдалении от православных церквей. Кроме того, специально было оговорено, что «буде они во время божественной службы учнут кричать и смехотворение и бесчинство и русским людям какую препону и обиду чинить: и им, иноземцам, у его царского величества быть за то в опале». Характерно, что «опала» при этом не конкретизировалась.

Уже под конец правления Петра I, 23 марта 1724 г., в ответ на жалобы бухарцев (опять же равно как и сибирских служилых татар) о том, что членов их семей забирают в рекруты наравне с русскими жителями, был издан сенатский указ «О невзятии рекрут Сибирской губернии с бухарцев и служилых сибирских татар», подтверждавший прежнюю льготу этих категорий населения: предписывалось бухарцев в рекруты не брать, а «в посад писать», т. е. приравнять к городским обывателям и в качестве таковых «в посады и никакими службами утеснять не велено» (ПСЗРИ 1830. Т. VII: 272–273, № 4486).

Таким образом, можно увидеть, как на протяжении правления Петра I сибирские бухарцы лишились своего особого статуса, то по одним показателям сближаясь с местным русским населением, то фигурируя наряду с сибирскими служилыми татарами — также привилегированной категорией, но не в той степени, в какой изначально сами бухарцы. В этих условиях логичным и последовательным видится последующее их приравнивание по статусу к посадским людям, хотя и с сохранением некоторых налоговых иммунитетов.

Безусловно, на основании столь небольшого круга документов невозможно сформировать целостное представление о политике Петра I в Центральной Азии. Но, во-первых, на данном этапе исследования такой задачи и не ставилось: речь шла лишь о выяснении степени последовательности его действий на основе ряда ключевых документов. Во-вторых, для дальнейшего изучения данного направления в нашем распоряжении имеется гораздо большее число документов, как опубликованных, так и архивных, которые позволят существенно расширить представления о разных аспектах центральноазиатской политики Петра I, выявить определенную специфику каждого из них⁵.

⁵ В качестве примера можно упомянуть, что многие документы об экспедиции А. Бековича-Черкасского, в том числе царские указы и другие правовые акты, были включены в «Историю Свейской войны» (поденную записку Петра Великого) (История свейской войны 2004: 575–609).

Тем не менее можно в полной мере согласиться с мнением ученых, что специалистов по Средней Азии в окружении Петра I не оказалось, в отличие от знатоков Ближнего Востока, Османской империи, а со временем и Персии, каковыми являлись, в частности, П. А. Толстой, Д. Кантемир, С. Владиславич-Рагузинский, А. П. Волынский (Чепильченко 2018). Более того, многие из ключевых фигур при дворе Петра I, принимавшие участие в разработке его восточной (в том числе центральноазиатской) политики, такие как Ф. С. Салтыков, И. А. Щербатов, В. Н. Татищев, И. Т. Посошков, являлись сторонниками политики меркантилизма и, как следствие, пытались перенести европейские принципы выстраивания экономических (и связанных с ними политических) отношений на азиатские реалии, в которых западные механизмы и принципы оказывались совершенно неэффективными (Donnelly 1975: 216; Шкунов 2012: 55–56).

Вероятно, именно это во многом обусловило отсутствие фундаментальной политики в отношении среднеазиатских государств, их правителей и представителей в России. И только благодаря талантам Петра I как правителя и его политическому чутью по крайней мере экономические отношения России со странами Центральной Азии развивались более последовательно, чем дипломатические и политические. Также анализ ряда документов, в которых лишь отдельные пункты были посвящены отношениям России со странами Центральной Азии, позволяет сделать вывод, что эти отношения также органично вписывались в административную и экономическую политику Петра I в целом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А. А.* Российско-хивинские отношения в конце XVII — начале XVIII в. Декларативная «шерть» или реальное подданство? // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2 (60). С. 16–30.
- Андреев А. А.* Посольство Ашур Бека к Петру Великому и начало миссии князя А. Б. Черкасского // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4. С. 91–104.
- Андреев А. А.* Пребываю верным слугою Вам моему Государю, князь Александр Черкасский. СПб.: Наука, 2021.
- Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989.
- История шведской войны (поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова; под общ. ред. А. А. Преображенского. Вып. 1. М.: Кругъ, 2004.
- Данилова Е. Н.* «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. 1946. Т. II. С. 202–270.
- Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: типолит. Н. И. Евстифеева, 1915.
- Зайцев И.* «Петр Великий сын Алексеевич, султан двух северов и хакан двух морей» // Воронцово поле. 2020. № 4. С. 76–81.
- Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / сост., авт. предисл. и вступ. ст. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2014.
- История внешней политики России. Т. 2. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона) / отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: Академический проект, 2018.
- Мезин С. А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1999.
- Мезин С. А.* «Завещание Петра Великого»: европейские мифы и российская реальность // Российская история. 2010. № 5. С. 18–27.
- Моисеев М. В.* Алкоголь и дипломатия. Спиртное в практике русского Посольского приказа XVI — нач. XVII вв. // История в подробностях. 2014. № 4 (46). С. 14–17.
- Памятники российского права. Т. IV: Памятники права в период единодержавия Петра I / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014.

- Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. II: 1713–1724 / под ред. А. И. Тимофеева. СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1885.
- ПСЗРИ. Т. II. СПб.: тип. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- ПСЗРИ. Т. III. СПб.: тип. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- ПСЗРИ. Т. IV. СПб.: тип. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- ПСЗРИ. Т. V. СПб.: тип. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- ПСЗРИ. Т. VII. СПб.: тип. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- Попов А. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. СПб.: тип. Имп. АН, 1853.
- Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах / отв. ред. Н. А. Халфин; подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Г. Воловникова. М.: Наука, 1986.
- Почекаев Р. Ю. Эволюция правового статуса бухарцев в российском законодательстве XVIII–XIX вв. // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2017. Т. 21, № 1. С. 53–70.
- Пузырев И. Д. Разведывательная деятельность сибирских бухарцев на юго-восточном пограничье России в XVII–XVIII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2021. Т. 20, № 3. С. 388–398.
- Чепильченко Е. И. Круг восточных советников Петра I // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2018. № 1. С. 75–89.
- Чистяков М. Б. Сношения России при Петре Великом с Хивой и Бухарой // Чистяков М. Б. Русские исторические рассказы. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1868. С. 133–166.
- Шавров Н. Путь в Центральную Азию по направлению, указанному Петром Великим. СПб.: тип. А. М. Котомина, 1871.
- Шкунов В. П. Государственно-правовое регулирование внешней торговли Российской империи в XVIII–XIX веках. Ульяновск: УлГУ, 2012.
- Burton A. Bukharan Trade, 1558–1718. Bloomington: Indiana University Press, 1993. (Papers on Inner Asia, no. 23).
- Donnelly A. S. Peter the Great and Central Asia // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. Vol. 17. 1975. No. 2/3. P. 202–217.

REFERENCES

- Andreev A. A. Rossiisko-khivinskie otnosheniia v kontse XVII — nachale XVIII veka. Deklarativnaia «shert'» ili real'noe poddanstvo? [Russian-Khivan Relations at the End of 17th — Beginning of 18th Century. Declarative Charter or Real Subjection?]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2015, no. 2 (60), pp. 16–30. (In Russian)
- Andreev A. A. Posol'stvo Ashur Beka k Petru Velikomu i nachalo missii kniazia A. B. Cherkasskogo [Embassy of Ahur Beg to Peter the Great and Beginning of Mission of Prince A. B. Cherkasskiy]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 4, pp. 91–104. (In Russian)
- Andreev A. A. *Prebyvaiu vernym slugoiu Vam moemu Gosudariu, kniaz' Aleksandr Cherkasskii* [I Remain, Your Faithful Servant, My Sovereign, Prince Alexander Cherkasskiy]. St. Petersburg: Nauka, 2021. (In Russian)
- Anisimov E. V. *Vremia petrovskikh reform* [Times of Reforms of Peter I]. Leningrad: Lenizdat, 1989. (In Russian)
- Burton A. *Bukharan Trade, 1558–1718*. Bloomington: Indiana University Press, 1993. (Papers on Inner Asia, No. 23).
- Чепильченко Е. И. Круг восточных советников Петра I [Circle of Oriental Councilors of Peter I]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 13. Oriental Studies, 2018, no. 1, pp. 75–89. (In Russian)
- Danilova E. N. «Zaveshchanie» Petra Velikogo [“Testament” of Peter the Great]. *Trudy istoriko-arkhivnogo instituta*, 1946, vol. 2, pp. 202–270. (In Russian)
- Donnelly A. S. Peter the Great and Central Asia. Canadian Slavonic Papers. *Revue Canadienne des Slavistes*, 1975, vol. 17, no. 2/3, pp. 202–217.
- Gistoriia sveiskoi voiny (Podennaia zapiska Petra Velikogo)* [History of Swedish War (Day by Day Notice of Peter the Great)]. Compl. by T. S. Maykova, vol. 1. Ed. by A. D. Preobrazhanskii. Moscow: Krug, 2004. (In Russian)
- Istoriia vneshnei politiki Rossii. Tom 2. XVIII vek (ot Severnoi voiny do voin Rossii protiv Napoleona)* [History of the Russian Foreign Policy. Vol. 2. 18th Century (From the Northern War to Wars of Russia with Napoleon)]. Ed. by A. N. Sakharov. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018. (In Russian)
- Mezin S. A. *Vzgliad iz Evropy: frantsuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [View from Europe: French Authors of the 18th c. on Peter I]. Saratov: Saratov State University Press, 1999. (In Russian)

Mezin S. A. «Zaveshchanie Petra Velikogo»: evropeiskie mify i rossiiskaia real'nost' ["Testament of Peter the Great": European Myths and Russian Reality]. *Rossiiskaia istoriia*, 2010, no. 5, pp. 18–27. (In Russian)

Moiseev M. V. Alkogol' i diplomatiia. Spirtnoe v praktike russkogo Posol'skogo prikaza XVI — nachala XVII vekov [Alcohol and Diplomacy: Drinks in Practice of the Russian Ambassadorial Department of 16th — Beginning of 17th cc.]. *Istoriia v podrobnostiakh*, 2014, no. 4, pp. 14–17. (In Russian)

Pamiatniki rossiiskogo prava. Tom IV. Pamiatniki prava v period edinoderzhavii Petra I [Monuments of the Russian Law. Vol. 4. Legal Monuments of Times of Autocracy of Peter I]. Ed. by R. L. Khachaturov. Moscow: Iurlitinform, 2014. (In Russian)

Pochekaev R. Yu. Evoliutsiia pravovogo statusa bukhartsev v rossiiskom zakonodatel'stve XVIII–XIX vekov [Evolution of the Legal Status of Bukharans in the Russian Legislation of 18th–19th cc.]. *Vestnik RUDN. Law Series*, 2017, vol. 21, no. 1, pp. 53–70. (In Russian)

Poslannik Petra I na Vostoke. Posol'stvo Florio Beneveni v Persiiu i Bukharu v 1718–1725 godakh [Ambassador of Peter I to the Orient. Embassy of Florio Beneveni to Persia and Bukhara of 1718–1725]. Ed. by N. A. Khalfin. Moscow: Nauka, 1986. (In Russian)

Puzyrev I. D. Razvedyvatel'naia deiatel'nost' sibirskikh bukhartsev na iugo-vostochnom pogranich'e Rossii v XVII–XVIII vekov [Siberian Bukharans in Russian Mission: Gathering Intelligence in Russia's South-Eastern Borderlands, 17th–18th cc.]. *Vestnik RUDN. Russian History Series*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 388–398. (In Russian)

Shkunov V. P. *Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie vneshnei torgovli Rossiiskoi imperii v XVIII–XIX vekakh* [State-Legal Regulation of the Foreign Trade of the Russian Empire in 18th–19th Centuries]. Ul'ianovsk: Ul'ianovsk State University Press, 2012. (In Russian)

Zaitsev I. «Petr Velikii syn Alekseevich, sultan dvukh severov i khakan dvukh morei» ["Peter the Great, Son of Alexei, Sultan of Two Norths and Khan of Two Seas"]. *Vorontsovo pole*, 2020, no. 4, pp. 76–81. (In Russian)

Zakonodatel'stvo Petra I. 1696–1725 gody [Legislation of Peter I. 1696–1725]. Ed. by V. A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo, 2014. (In Russian)

Submitted: 19.12.2021

Accepted: 23.03.2022

Published: 10.07.2022